

"В разных землях и странах,
На морях-океанах
Каждый, кто молод,
Дайте нам руки,
В наши яры, друзья!"
Гимн Демократической Молодёжи

ВМОЕЙ КОЛЛЕКЦИИ — несколько фестивальных открыток. Раритеты и мемуары. Достались мне от мамы. Ей повезло — она была свидетельницей феерии-1957. Те открытки воспринимаются как сказочные иллюстрации — заворачивает буквально всё: ярко-синий купол

ЭТУ ПЕСНЮ НЕ ЗАДУШИШЬ, НЕ УБЬЁШЬ!

Выставка «Три фестиваля» в Музее Москвы

неба, цветы, белые голуби, светлые лица. Метод, названный "социалистическим реализмом", подразумевал отображение бытия в его наилучшем, кристальном варианте... Идеально выписанная жизнь, чем-то напоминавшая пасторали "галантного столетия", разве что фоном служили не дворцы-игрушки стилия рококо и живописные гроты, а сталинские высотки и новый стадион в Лужниках. Уютный и при этом — интенсивно-красочный мир. Фестиваль-1957 — жаркое лето в разгар Оттепели. Потом, уже в самом начале Перестройки, Москва встречала гостей ещё раз — к 1985 году поменялись вкусы и установки. Иные ритмы и ритмы. Динамика "золотых восьмидесятых". Лозунги (в которые уже мало кто верил), резкие танцы, разогретый асфальт. Наша юность была яростной и сочной — перестройка-перекойка-перестрелка. Интересный факт: оба фестиваля случились в момент смены парадигмы, а потому немного страшно. Грядёт фестиваль Сочи-2017 — будет ли он знаменем новой (не дай Бог — разрушительной!) эпохи или же покажется очередной "старой песней о главном"? Грустно? Увы. Потому что мы топчемся на месте. Фестиваль — детище той, оставленной, отринутой системы. Но... та система оказалась живучей — хотя бы на уровне атрибутики и всё тех же песен. Поживём — посмотрим, а пока — идём на выставку "Три фестиваля" в Музей Москвы. Три фестиваля — три страницы нашей коллективной биографии. "Что пройдёт — то будет мило", — сказал поэт. От мягких форм приёмники "Москвич" и угловатых линий 80-х — в интерактивную супер-современность. Здесь показано всё: техника, музыка, модные костюмы, куклы, сувениры, плакаты, книги, обложки журналов. Путешествие будет приятным!

Ныне в ходу ретро-выставки, посвящённые славному прошлому, которое то и дело вторгается в нашу реальность. Фестивали — родом из XX столетия, когда после войны мир сделался биполярным, а "левые" силы громко заявили о себе. У них был зримый эталон, маяк — большевистская Россия во главе мощного соцлагеря. Явился типаж, вид, спой — "прогрессивное студенчество". Мятённые парни в старых

аскезу — тысячи знамён, мириады живых и бумажных цветов, помпезные сооружения, дорогостоящие постановки. Москва приняла участников только в 1957 году — советский народ оправился от военных тягот и разрушений, появилась тяга к здоровой сытости, к честной зажиточности. К платьям из цветастого крепдешина. Массовое переселение в отдельные квартиры, а потом — холодильник, телевизор... автомобиль, чтобы ездить на дачу.

Вот голубая мечта-машина того периода. Обтекаемые формы, как было принято в дизайне 1950-х. "Москвич-402". Стремление спадить углы. Возле авто — мальчишки, привыкшие к совершенно иным формам, и дедушки, у которых ностальгия по тем рулям и сиденьям, по тёплой звуку "Подмосковных вечеров". Фоном — эскиз панно, где солнечные красавцы несут знамёна и букеты. А небо — лазурь. А будущее — прекрасно. Картинки из журналов мод — изысканность платьев, с узким лифом и сильно в талию, как заведущая мсье Кристиан Диор. Точёные каблучки, манерные сумочки. В диковинном пособии "Блокнот агитатора" есть и странички, посвящённые нарядам, стилям, юбкам — авторы призывают одеваться правильно и достойно, исключив пошлую крикливость. Кстати, многих москвичей интересовал именно этот вопрос: в чём придут иностранцы, особенно посланники из капиталистических стран? Буржуазные моды представлялись невыносимыми и даже аморальным зрелищем. На всё смотрели глазами фельетонистов, писавших о стиляжах и чудом "низкопоклонстве". Джазмен Алексей Козлов вспоминал: "Для жителей Москвы Фестиваль оказался чем-то вроде шока, настолько неожиданным оказалось всё, что они тогда увидели, узнали и почувствовали при общении с иностранцами. Сейчас бесполезно пытаться объяснять людям новых поколений, что крылось тогда за словом "иностранец". Для одних — враг, для кого-то — небожитель, для третьих — унетённый трудящийся. Советские люди увидели... тоже людей, а Козлов меж тем продолжил свою мысль: "Прежде всего, все были одеты по-разному, не "стильно", а обычно — удобно, пёстро,

спортивно и небрежно". Среди хитов экспозиции выделяется платье-трансформер, предоставленное москвичкой Клавдией Тихомировой — участницей Фестиваля-57. Незаметным движением руки оно превращалось из голубого — в красное. Девушки-цветы на громадном поле! Их были сотни — этих наилучших, стройных, румяных, прошедших тщательный отбор студентов.

Одним из символов эпохи стали "фестивальные" платки, выдуманные на московском шёлковом комбинате "Красная Роза" в качестве памятных сувениров. На полотнище изображался голубь мира, со-

го модернизма и минимализма, который делается ведущим стилем-смыслом в грядущих шестидесятых. Стык времён, водораздел, точка сборки — советский мир после Фестиваля-57 уже никогда не будет прежним.

Лета-85 ждали с трепетом и замиранием сердца. Ещё бы! Мечталось повторить не только успех предыдущего московского фестиваля, но и волнующие радости Олимпиады-80, ставшей эталоном культурно-массовых мероприятий. Изменилось общество, а с ним — настроения и мысли. Белый голубь — символ праздника — уже

мода — как и нравилось в середине 1980-х — спортивный шик с элементами стилиа сафари. Девушки в белых платьях "полувенного" покроя — с погончиками и большими нагрудными карманами, ребята — в разноцветных ветровках и мешковатых брюках из хлопка. Все — в актуальных кроссовках. Сумки из светлого кожзамениителя с логотипами фестиваля. Интригующий момент! В Советском Союзе не было маркетинга, да и реклама существовала в формате оповещения о новых товарах, однако продукция, носящая на себе лейблы и знаки фестиваля, считалась более престижной, интересной, чем равно такая же, но без голубя и Катюши. В основе любого потребления находится "желание принадлежности" — к популярной фирме, событию, мечте. В дни фестиваля всем хотелось иметь спички, тетради, футболки, маркированные символикаой. Обаяние этих блокнотов и календариков оказалось столь велико, что и

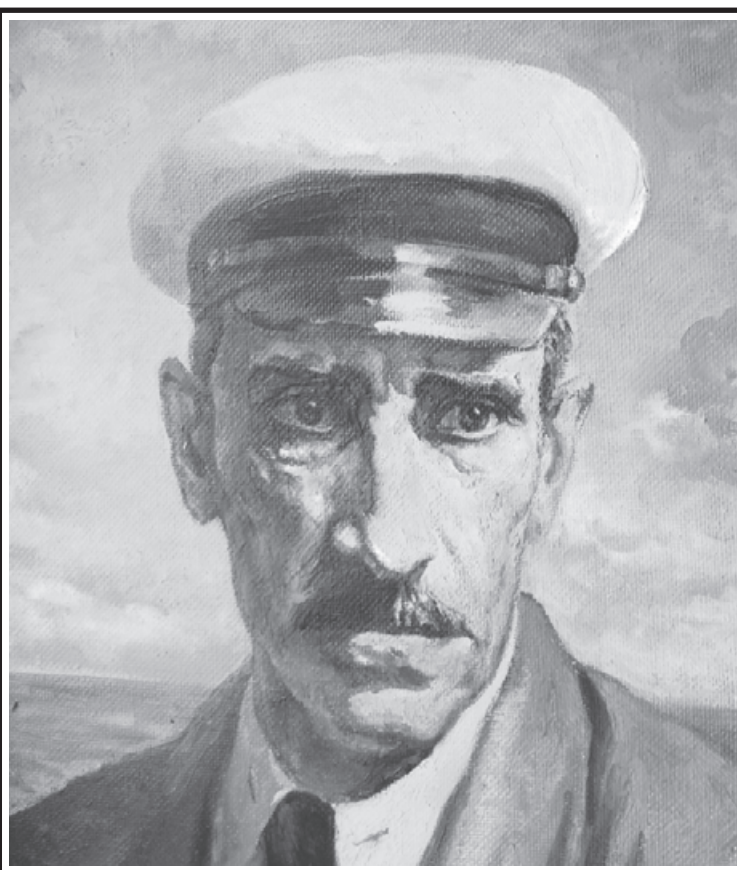
шедший с рисунка Пабло Пикассо, или же стилизованный цветок с пятью лепестками — по числу континентов. "Я вижу сверху его волосы, разделённые сбоку ниточкой пробора, очки, фестивальный платок на шее и костяные плечи, обтянутые джемпером", — так описывал Василий Аксёнов одного из своих персонажей. На выставке представлено несколько таких платков из чистого шёлка. Россыпи значков — их тогда продавали в специально выделённых местах и точках. Всевозможные предметы — и не только сувениры — с логотипами Фестиваля-57. Спичечные коробки, чашки, почтовые марки, фигурки из фарфора. На память. Навсегда. Фотографии событий — вот грузовик с американцами, а там — автобус с надписью "Швейцария". Разнообразие открыток: земной шар, опоясанный флагами; три парня — европеец, негр и азиат фланкируют мимо здания МГУ; пляска на площади; крепкие рукопожатия. Миру — мир! "Нам, молодым, / Вторит песней той / Весь шар земной!" — неслось из репродукторов. Плакаты — одни из них рисованы в академичной "сталинской" манере, другие — с налётом юношеско-

напоминал фирменный лейбл. Фотографии юных гостей праздника. Наши — впереди планеты всей. Более уверенные и открытые, чем родители. Знают себе цену. Скоро они начнут "перестраивать" жизнь и подогнать её под мировые стандарты... Но пока всё — мило, дивно и весело. Зелёная чаща стадиона, страны-участницы, флаги, многоцветье, гимнастки-тростинчики и малышки-атлеты в чём-то ярком. На выставке — масса фоторепортажей, запечатлевших те незабываемые дни. Рядом — фестивальное мыло, фестивальные спички, значки и сувениры. Документ переводчицы с английской Кузиной Ольги Ивановны — на нас смотрит молодая симпатичная дама, которой постыдилось прикоснуться к сказке. Точнее — поучаствовать в ней. На стендах и полках — вариации на тему Катюши. Душевный талисман лета-85 — девочка в стиле а-ля русс Катюша в кокошнике, выполненный в форме фестивального цветка, с голубем мира в руках. Футыл, статуэтки, постеры и, разумеется, открытки, марки, обложки журналов — всё это Катюша. Тут же — альбомы и записные книжки с автографами делегатов. Фестивальная

сегодня можно видеть их на выставочных стендах — большинство экспонатов предоставили не коллекционеры-профи, а наши обычные граждане. В этих вещах — тепло сердца и ностальгическая нота.

Будет ли фестиваль в Сочи таким же запоминающимся? Станут ли его участники бережно хранить свои костюмы с логотипами? Захочется ли всем нам посмотреть открытие и закрытие Сочи-2017? Или же окажется повторением пройденного? А то и вовсе — поповым действом с оттенком казённого патриотизма. Официальные данные гласят, что "XIX Всемирный фестиваль молодёжи и студентов пройдёт с 14 по 22 октября этого года и соберёт 20 000 молодых профессионалов в различных сферах из 150 стран в возрасте от 18 до 35 лет". Я надеюсь на лучшее — на то, что поколение "некст", "миллениум" (или как его там называют) сделает качественный рынок вперёд. Нельзя же постоянно отглядываться на прошлое. "Песню дружбы запеваёт молодёжь — эту песню не задушишь, не убьёшь!" Хорошо бы!

Галина ИВАНКИНА

ЛЮБОВЬ И НЕНАВИСТЬ ПРОРОКА

Судьба и творчество Александра ГРИНА

убитых гениальных поэтов — Блока и Есенина. Их судьба кажется нормой для тех лет. Грин добился личного счастья, пусть оно было не таким долгим, но именно в чудовищные годы Гражданской войны он встретил Нину Николаевну. Своих потрясающих героинь, благородных и одновременно женственных, Грин писал с натуры. Это не выдумка, это не мечта, с такой женщиной он прожил вместе почти пятнадцать лет и умер у неё на руках. Она спасла его. В том числе — от алкоголизма: и этого Грин избежал. И все-таки до пятидесяти двух лет этот гений прожил, и все его величайшие произведения созданы именно в те годы, когда он жил с Ниной Николаевной. Она сохранила его наследие, создала и сохранила дом-музей Грина, она была духовно верна ему до самой своей смерти. Она стала залогом возрождения колоссального интереса к творчеству Александра Степановича уже в шестидесятые годы. А попросту говоря, он был с ней очень и очень счастлив.

В этом смысле Грин абсолютно противоположен Чехову. Не то что достижение чуда, а просто нормальная жизнь для русского человека, по Чехову, невозможна. Такую разницу хорошо объясняет Лев Гумилёв. Акцентуируя в своей книге "Этногенез и биосфера Земли" внимание на героях Чехова, Гумилёв говорит, что Чехов гениально выразил суть субпассионариев, то есть людей, лишённых сильных желаний, героических стремлений, способности жертвовать собой, вообще способности напрягаться. А Грин как раз был потрясающим примером пассионария. Не все знают, что он был эсером, настоящим действующим революционером. При аресте в 1903 году отказался давать показания. Только чтобы избежать излишних процедур дознания, назвал своё настоящее имя и сообщил, что является простым солдатом. Протоколы допросов сохранились, и из них ясно, что ни на первом, ни на втором допросе Грин не называл своего настоящего положения в революционной организации, пытался бежать из тюрьмы, сидел в камере, объявил голодовку. В тюремных документах написано: "Отказался принимать пищу и добровольно голодал в течение четырёх суток". И вывод помощника прокурора: "Поведение Гриневского (настоящая фамилия Грина. — И.Б.) было вызывающим и угрожающим".

После освобождения из Севастопольского каземата Грин уезжает в Петербург и там вскоре опять попадает в тюрьму. Затем его на четыре года отправляют в ссылку в Туринск Тобольской губернии. Но уже на четвёртый день по прибытии Грин бежит из ссылки и добегается до Вятки. С паспортом, который ему выдал отец, опять отправляется в Петербург, чтобы спустя несколько лет, в 1910 году опять оказаться в ссылке, на этот раз — в Архангельской губернии. И в те же годы сплошных тюрем, сылок и побегов Грин становится писателем. Первое из его произведений — рассказ "Заслуга рядового Пантелеева", из которого многое в мировоззрении Грина становится понятным. "В духе Василия внезапно вспыхнуло злостное чувство и желание мести этим загадочным мужикам, которых он не понимает и потому ненавидит. Сильно подавшись назад, он ударил наотмашь прикладом, а затем штыком двух передних. Мужики как-то болезненно охнули и подались в толпу..."

— Бей! — ещё раз командовал офицер. И началось побоище. Били зверски, били до изнеможения, до боли в суставах. Ад стоял на улице. Солдаты и избиваемые мужики смешались в одно. Били по голове, по животу, топтали ногами, наступали на лицо. Зверь проснулся в человеке и запросил крови..."

Такие сцены можно было увидеть осенью 1993 года в Москве, недалеко от осаждённого Дома Советов. С одной только разницей: тогдашние омовники во всю избивали не только мужчин, но и женщин, и старух. На моих глазах у метро "Баррикадная" эти "блестятели порядка" насмерть забили пожилую женщину. То есть рассказ мистически описывает не только современную Грину эпоху, но и события октября 1993 года в Москве. Нет сомнений, на чьей стороне был Грин в наши дни. Судите сами, кто такой Грин: реалист или не реалист, пророк или нет? А ведь его записывают порой чуть ли не в антирусские писатели.

Почему же в произведениях зрелого периода он выбирает для большинства своих героев нерусские имена? Вспомните то время. Грин был человек и хотел выжить: не только ради того, чтобы сохранить себя как человека, но в большей степени — для того, чтобы донести свою великую правду и великие философские пророчества будущим поколениям. Поэтому то он и переносит действие своих произведений в некое непонятное время, в непонятное измерение, в непонятные страны. Но это абсолютно неважно, потому что всё написанное им — о России.

Есть такой рассказ Грина 1911 года "Трагедия плоскогорья Суан". Главных героев — террорист Блюм, который рассуждает следующим образом: "Они слишком добродетельны, как ужимочки старой девы. Разве дело в упитанных каплунах или генералах? Следует убивать всех, кто весел от рождения. Имеющие пристрастия к чему-либо, должны быть уничтожены. — Но кто же останется на земле?" — Горсть бешеных, — хрипло вскричал Блюм, уводя голову в плечи. — Они будут хватать успокоенными глазами и кусать друг друга острыми зубами. Иначе невозможно".

Вам ничто эти теории не напоминают? Этот образ Блюма, человека с очень характерной фамилией, нигде не дёлся с 1911 года, и фактически через сто с лишним лет коллективный Блюм торжествует в России. Блюмами сегодня являются безжалостные либерал-вивисекторы чубайсовской школы, рассуждающие в Ельцин-центре о желательности полного изведения русских "ватников".

Грин искренне не принимал, призраил и ненавидел как капитал (вспомните "Золотую цепь"), так и блюмов-террористов, которые вроде бы шли за освобождением от власти капитала.

Но, может быть, наша самая большая признательность Грину заключается в том, что Александр Степанович не столько бичевал или ненавидел кого-то, но создал в своих произведениях такие потрясающие женские образы, которых в литературе очень и очень мало. Где вы у Чехова найдёте идеальный образ женщины? Грин, приклоняясь перед истинной женщиной, любя её, потрясающе рисовал её портреты. Не булгаковских Маргарит, не نابокских Лолит, а Дези и Ассоль.

Как же относился Грин к тем событиям, свидетелем которых был, как он относился к тем, что развязал бойню под названием Гражданская война? Сам Грин дал на это абсолютно чёткий и недвусмысленный, хотя и символический, ответ в своей уже зрелой повести "Крысолов". После первых своих эсеровских, реалистических рассказов Грин больше ничего прямо, в лоб не говорит. Его метод — аллегория и символика. И это было неизбежно. Тем не менее — имеющий уши да слышит. Стоит прочитать начало повести "Крысолов", для того чтобы понять, что это не сказка. "Весной 1920 года, именно в марте, именно 22 числа я вышел на рынок... Это был Сенной рынок" — несколько раз Грин подчёркивает и число, и год, и место действия. Тем самым он показывает, что ни о какой фантастике речи нет. Хотя дальше в его повести происходят события вроде бы фантастические: после тифа герой произведения теряет жильё, в его квартиру вселяют постороннего человека, думая, что хозяин вскоре умрёт (фактически в те же годы подобное происходит и с самим писателем: Грин тогда тяжело болел и помог ему, спас его Горький). И герой стал ночевать в пустующем здании Центрального банка. То есть не просто какой-то особняк заброшенный, а в прошлом могущественный банк. И там герой становится свидетелем некоего шабаша страшных существ. То он видит мальчика, зывающего о помощи, но в улыбку этого мальчика и в том, как он хватал героя за руки, было нечто страшное и зловещее. То он видит чудную девушку, которая признаётся ему в любви и умирает. Постепенно герой понимает, что стал объектом какого-то чудовищного заговора. Кто эти существа — он не совсем понимает, но совершенно очевидно, что они наделены всеми атрибутами бесов. В финале герой вырывается от этих чудовищ с помощью пожилого человека и его дочери.

"Крысолов" вышел и принёс старую книгу в кожаном переплёте, с красным обрезом. — Вот место, над которым вы можете смеяться или задуматься, как угодно. "Коварное и мрачное существо это владеет силами человеческого ума. Оно также обладает тайнами подземелий, где прячется. В его власти изменять свой вид, являясь, как человек, с руками и ногами, в одежде, имея лицо, глаза, движения, подобные человеческим, и даже не уступающий человеку, — как его полный, хотя и не настоящий образ. Крысы могут также причинять неизлечимую болезнь, пользуясь для того средствами, доступными только им. Им благоприятствуют голод, голод, война, наводнение и нашествие. Тогда они собираются под знаком таинственных превращений, действуя как люди, и ты будешь говорить с ними, не зная, кто это. Они крадут и продают с пользой, удивительной для честного труженика, и обманывают блеском своих одежд и мякостью речи. Они убивают и жгут, мошенничают и подстерегают; окружая роскошью, едят и пьют довольно и имеют всё в изобилии. Золото и серебро есть их любимейшая добыча, а также драгоценные камни, которым отведены хранилища под землей".

— Но довольно читать, — сказал Крысолов, — и вы, конечно, догадались, почему я перевёл именно это место. Вы были окружены крысами".

Гениальная цитата. Можете считать это произведение философским трактатом, можете — великой художественной прозой. В принципе, это то и другое. Но здесь чётко читается ответ на вопрос, кем мы окружены и в чём причины несчастья России и в 1920 году, и спустя много лет.

В рассказе "Серый автомобиль" писатель обозначил то, что он по-настоящему любит, чему он служит.

"Одна грёза не даёт мне покоя. Я вижу людей нетеропливых, как точки, ближайше к центру, с чётким и гармоничным ритмом, во всей полноте жизненных сил, владеющих собой с улыбкой даже в страдании. Они не торопливы, потому что цель ближе от них, они спокойны, потому что цель удовлетворяет их, и они красивы, так как знают, чего хотят. Пять сестёр мчатся их, стоя в центре великого круга, неподвижны, ибо они есть цель, и равные всему движению круга, ибо есть источник движения. Их имена: Любовь, Свобода, Природа, Правда и Красота".

Иван ВИШНЕВСКИЙ

АПОСТРОФ

Александр КОЛПАКИДИ, Геннадий ПОТАПОВ, Николай II. Святой или Кровавый? (Уроки истории). — М.: Алгоритм, 2017 — 510 с.

ТРУД двух высокопрофессиональных специалистов представляет собой, исследование, безупречное по количеству и качеству привлечённых материалов, по глубине аналитического и объективного подхода к периоду правления последнего российского императора. Оно не может оставить равнодушным ни одного настоящего патриота России. А разве есть ненастоящие? Сколько угодно. Рядиться в патриота стало нынче модным. Выдвинуто аргументированное обвинение в адрес не только самодержавия и конкретного носителя верховной власти, но и нынешних апологетов царизма. Поэтому книга замалчивается либеральными масс-медиа. Юбилейный 2017 год — хороший повод для тщательного исторического разбирательства событий столетней давности. Но упомянутые апологеты используют этот повод для огульного очернения послереволюционного периода отечественной истории.

Миф первый: дореволюционная Россия заваливала Европу хлебом.

Его сочинители умалчивают, что возмозились не излишки, а всё зерно, которое можно было выгодно сбыть. 1913 год выдался урожайным. На душу населения пришлось по 470 кг зерна. Однако для сносного пропитания необходимо было иметь не менее 500 кг. То есть даже рекордный валовой сбор зерновых проблему голода не решал. Купцы набивали мешки, царь жил-не тужил, а народ повсеместно хронически недоедал, периодически просто голодая и умирая.

Миф второй: экономика России находилась на подъёме.

Спору нет, русские учёные и инженеры обогатили мир открытиями и изобретениями. Зато чиновники молились на западные авторитеты, ассигнуя крохи на разработки отечественной техники и технологии. Важным экономическим показателем в начале XX века была нефтьдобыча. В 1901 г. Россия добывала 50% мировой нефти, Соединённые Штаты — 40%. Однако перед войной на Штаты приходилось уже 63%, а на Россию — 19%. Такой спад — красноречивое подтверждение индустриальной отсталости. Основной объём российского промышленного производства того времени давали мануфактурные и пищевые предприятия, деревообработка, различные промыслы. А продукция машиностроения составляла всего 5%.

Миф третий: Николай II был гуманным и милосердным к политическим врагам, не допускал казней и репрессий. Верно, Ленина в тюрьме и ссылке пальцем не тронули. Как-никак — дворянин. А вот сына сапожника и прачки лупили нещадно. Имеется в виду не один Сталин, но тысячи и тысячи представителей низших сословий.

Власти без колебания применялись оружие против участников забастовок, митингов, манифестаций, сходов, несмотря на их преимущественно мирный характер. Сколько людей в результате погибло — точно неизвестно, даже в советское время публиковались лишь фрагментарные данные. Петербург, 9 января 1905 г. — до 3000 убитых и до 7000 раненых. Ленский золотой прииск, 4 апреля 1912 г. — более 500 убитых и раненых. Джизак, июль 1916 г. — несколько тысяч вырезанных горожан. Семиреченская область, лето-осень 1916 г. — порядка 4000 убитых...

Авторы книги полагают, что террор и репрессии Николая II — это минимум 130 тысяч расстрелянных подданных. Но не исключено, что жертв вдвое-втрое больше, причём без учёта умерших от ран и пыток.

Миф четвёртый: Февральский и Октябрьский перевороты случились в период триумфа российской армии, которая вот-вот должна была сокрушить Германию, но получила удар в спину.

Царствование Николая II было провальным в том числе в военной области. В Первую мировую армия вступила не готовой. Не хватало махорики, лекарств, продовольствия, сапог, патронов, снарядов, винтовок, пушек... Чтобы хоть как-то обуздать солдат, военное ведомство заказало миллион пар лаптей. В войсках процветали рукоприкладство и казнькараство.

В 1914 году царская армия добилась некоторых успехов, разбив немцев в Восточной Пруссии. Но вскоре потеряла фiasco, отступила из Пруссии и больше туда не вернулась. Правда, в Галиции она овладела обширными территориями. Увы, в 1915-м германские и австро-венгерские дивизии выбили её из Галиции, Польши, Курляндии. В 1916 г. состоялись последние успешные наступления — "брусилковский прорыв". Но бездарность высшего командования и отвратительное снабжение войск помешали его развитию, и он стал "проигранной победой". Остальные операции 1916 года закончились ещё плачевнее.

Сравнительно удачно армия воевала лишь на Кавказском фронте, где медленно, но верно теснила турецкие части. Однако к 1917 году она и там выдохлась.

Винаваты в потере её боеспособности не большевики, а самодержавные порядки: богачи богатели, бедняки беднели, бесчинствовала полиция, гуляла распутищина... Буржуазные заговорщики, свернувшие в феврале 1917-го осточертевшую всем монархию, хотя жаждали продолжения войны, фактически стимулировали окончательный развал и разгром армии.

Миф пятый: сторонники Николая II были беззаветно преданы императору и родине.

Монархисты активно поддержали белогвардейцев, хотя большинство тех не могли простить царю, что он отрёкся от престола, бросив на произвол судьбы правящий класс. Но сотрудничать с интервентами, сохранившими расчленившую державу? С каких пор коллаборационизм входит в понятие патриотизма?

Позднее изрядное число "защитников веры, царя и отечества" пошли на службу к нацистам, присягнув фюреру. Выбодит, любовь к царю этих господ тоже являлась фикцией, ибо в планах гитлеровцев было не возрождение самодержавия, а колонизация и геноцид русских.

Список разоблачённых в книге мифов не исчерпывается вышеперечисленными.

Лаврентий ГУРДЖИЕВ